

УДК 821

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКО-НРАВСТВЕННЫХ ВЗГЛЯДОВ
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА**

Чжан Юймэн

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, 3193429427@qq.com*

В статье исследуются эколого-нравственные воззрения В.П. Астафьева в контексте современной экокритической теории. Объектом является его творчество, предметом – художественное воплощение эколого-нравственной концепции, целью – выявление её структуры и значения. Материалом послужили «Царь-рыба», «Ода русскому огороду»; автор анализирует чувство дома, любовь к природе, гармонию человека и природы, последствия разрушения природы и духовное очищение через покаяние. Доказывается, что природа выступает нравственным зеркалом, а концепция писателя имеет глубокий философский смысл.

1. Эколитература и теория экокритики

1.1 Экологическая литература

Экологическая литература является новой областью культурологических исследований, возникшей в связи с глобальным экологическим кризисом. В XX веке возникла экологическая литература, ставшая важной движущей силой развития экологической мысли: от заложившего основы экологической этики О. Леопольда до поднявшей волну экологического движения Р. Карсон – литература всегда находилась на переднем крае формирования экологического сознания. На акаде-

мическом уровне в 1974 году Дж. Микер впервые ввел понятие «экологии литературы»[1, с. 45], призывая изучать, как литература раскрывает взаимосвязь между человеческой деятельностью и природной средой. В том же году У. Крубер применил экологический подход к литературной критике[2, с. 12]. К 1990-м годам изучение экологической литературы стало признанным научным направлением и приобрело глобальный характер; изданный П. Мерфи сборник «Литература о природе: Международный сборник материалов» обобщил достижения исследователей из десятков стран на пяти континентах[3, с. 320]. Цель экологической литературы – переосмысление антропоцентризма, утверждение природоцентричного взгляда и экологического холизма, стремление к гармоничному сосуществованию человека и природы. Она не только исследует идейно-культурные истоки экологического кризиса, но и занимается художественным выражением экологической эстетики, принимая на себя в условиях глобализации историческую ответственность литературы за судьбу планеты, предупреждение об экологических катастрофах и содействие гармоничному единству человека и природы.

1.2 Возникновение и развитие теории экокритики

Экокритика – это литературоведческая теория, изучающая взаимосвязь цивилизации и природы через художественные тексты. Ее возникновение обусловлено двойственным кризисом, порожденным глобализацией: разрушением природной экосистемы и отчуждением духовного мира человека.

Экокритика зародилась в 1970-х годах в Великобритании и США. В 1978 году американец Уильям Рюкерт в своей статье «Литература и экология: опыт экокритики» впервые ввел термин «экокритика»[4, с. 318], четко обозначив соединение литературоведения и экологии. В 1985 году публикация Фредериком Уайчем сборника «Преподавание литературы об окружающей среде: материалы, методы и литературные источники» способствовала открытию курсов по эколitterатуре в американских университетах[5, с. 240]. В 1991 году Ассоциация современных языков провела симпозиум «Экокритика: озеленение литературоведения», а в следующем году в США была основана Ассоциация изучения литературы и окружающей среды (ASLE), ставшая международным академическим центром экокритики с отделениями в Великобритании, Японии и других странах. В 1994 году У. Крубер в своей работе «Экокритика: романтическое воображение и экологическое сознание» систематически изложил особенности и этапы развития экокритики[6, с. 110]. Под редакцией Ш. Глотфелти и Г. Фромма вышел «Экокритический хрестоматийный сборник»[7, с. 560], признанный классическим трудом в этой области; он заложил основы дисциплины в трех аспектах: экология, теория эколitterатуры и практика экокритики. Сама Ш. Глотфелти стала первым в США профессором по специальности «Литература и окружающая среда», а также одним из основателей журнала «Междисциплинарные исследования литературы и окружающей среды». В XXI веке экокритика быстро превратилась в одно из самых актуальных направлений мирового литературоведения. Университет Невады стал ведущим исследовательским и учебным центром в этой области, а в 2002 году издательство Вирджинского университета выпустило первую серию книг «Исследования по экокритике». Джеймс Хопкинс отмечает, что экокритика, вбирающая в себя идеи социальной, феминистской и постколониальной критики, постепенно становится магистральным направлением литературоведческой теории.

2. Эколого-нравственные взгляды В.П. Астафьева

2.1 Чувство дома

Чувство дома у Астафьева выступает как фундаментальная категория, связывающая личность с родной землей, природой и культурной памятью. Идентификация с родным краем означает для писателя не только географическую привязанность, но и становление нравственного сознания и экологической ответственности. Сибирская природа воспринимается им как «вторая мать», что формирует особое благоговение и трепетное отношение к миру природы.

В автобиографических текстах Астафьев непосредственно выражает неразрывную духовную связь с родными местами: «Всякий раз, когда улетаю из Красноярска и самолет, уцеленный носом в пространства, подожит, понервничает, доведет себя до ярости, взревет диким жеребцом и рванется с Покровской горы, я вновь обозреваю родные места. Судьбе угодно было сделать мне еще один подарок – пролетая по скалистому коридору Енисея, самолет иной раз проходит над моим селом, и мне почему-то всегда кажется: вижу я его в последний раз и прощаюсь с ним навсегда.» [8, с. 72]

В романе описываются впечатления блудного сына, вернувшегося на родину. Его отчизна – могучий Енисей, сибирская тундра и бескрайняя тайга, со всем, что есть на этой взрастившей его земле, он чувствует неразрывную связь.

«Шалунвей – Шалунин бык, обколотый взрывами, будто затасканный в кармане серый кусок сахара, – здесь было последнее мамино пристанище. Говорят, что человеческая душа жива и бессмертна до тех пор, пока есть в оставшемся мире тот, кто ее помнит и любит...» [8, с. 154]

В этом эпизоде автор, пролетая на самолёте над могилой матери, изливает свою тоску, выражая глубокую привязанность к родным и родной земле, с которой он не в силах расстаться.

«Дурная молва велась в наших местах когда-то о речке Бирюсе. Леших, водяных и прочей нечисти водилось на ней видимо-невидимо, отбивало у многих желание здесь охотиться и рыбачить. А вообще-то, сказывали, речка богатящая, красивая. То, что увидели мы на Бирюсе, даже затопленной, в плесени замзгнутой воды, не поддается описанию. Дух захватывает от неповторимой, воистину колдовской красоты!» [8, с. 218]

Здесь автор восхищается красотой родной реки, которая не только полна дикой, колдовской силы, но и обладает ощущением таинственной непостижимой святости, полностью раскрывая очарование природы.

Кроме того, в произведениях «Васюткино озеро» [9, с. 46], «Перевал» [10, с. 18], «Цветение старого дуба» [11, с. 97] автор изображает тоску по детству. В этих произведениях трогательными штрихами, с большим интересом описаны прекрасные сцены детства; автор создает теплые, проникнутые человечностью картины-грезы, в которых может укрыться душа. И все эти сцены разворачиваются на фоне сибирской природы. Дети в общении с природой ощущают глубокую, органическую связь с ней, но вместе с тем им знаком и страх заблудиться в тайге. Хотя детство было полно лишений, дети сформировали в себе доброту, искренность, простоту – стали такими же бесхитростными и прямодушными, как сибирский кедр. Поэтому, повзрослев, они осознанно становятся защитниками природы.

Раз природа стала символом матери, то вполне закономерно, что Астафьев, спасаясь от суетного мира, устремляется в ее объятия. В его представлении величественная, спокойная, величавая природа способна всё вместить и всё преодолеть. Природа – это духовная родина автора, место упокоения его души.

2.2 Чувство природы

Астафьев воссоздает природные образы как средство выражения глубоких человеческих чувств и надежды на духовное возрождение. Особое место занимает поэтизация обыденного природного мира, в частности – русского огорода, который в произведении «Ода русскому огороду» превращается в символ жизни, труда и гармонии.

Писатель детализирует рост растений, передавая трепетное отношение к жизни: «Огуречный листок, воспрянув на свету, тоже робел от одиночества, простора земли и изобилия всякой зелени, принюхивался недоверчиво к лету.» [12, с. 12]

Астафьев подчеркивает упорство и живость природного начала: «Нет, не закончил до смерти огуречный листок, удержался и потянул по зеленой бечевке из мрака навозных кедр лист за листом, лист за листом, там и усики принялись браво завинчиваться на концах бечевки, пополз листной ворох в борозды, так и прет друг на дружку. И, как всегда неожиданно, засветится в одной из лунок, в зеленом хороводе, желтенький цветочек, словно огонек бакена среди зеленой реки» [12, с. 18]

Огород предстает как живой организм, наполненный тайнами и детской радостью познания: «Много секретного в огороде! За постройками, за баней, за городьбой – везде секреты, там вон, у глухой, сопрелой стены сарая, секрет особенный – второй год там растет маленькая, но уже кудрявая бузина-пищалка, и никто-никто не знает, что она там растет, и только когда пищалка делается выше мальчика и появятся на ней мелкие, алого цвета ягоды, он покажет ее деду. На дальней гряде, что против бани, после каждой пахоты мальчик находит костяные бабки.» [12, с.24]

Произведения Астафьева пронизаны чувством природы. Процесс роста овощей и фруктов, заботливый уход крестьян за ними, радость, которую приносит людям щедрый урожай, – всё это является выражением эмоционального единения человека и природы. Изображая в своих произведениях красоту природы, гармоничное и здоровое развитие человека в ней, Астафьев раскрывает важную истину: только следуя объективным законам природы, естественно взрослея и живя в согласии с ней, можно достичь как материального благополучия, так и духовного богатства.

2.3 Гармония человека и природы

Астафьев, ощущая себя дитя природы, воссоздает в своих произведениях ее удивительную, прекрасную суть. Лирическим языком он описывает чистую, светлую первую любовь, добрую человеческую нравственность и наивную, непосредственную душу ребенка.

Для Астафьева гармония с природой совпадает с нравственным совершенством. Человек, живущий в единении с природой, обретает внутреннюю чистоту и душевную цельность. Это особенно выразительно в финале повести «Пастух и пастушка», где природа участвует в человеческой скорби и символизирует вечную жизнь: «Могильный холмик скоро окропило травой. В одно дождливое утро размокшие комки просек тюльпан, подрожал каплею на клюве, открыл розовый рот. Корни жилистых степных трав и цветов ползли в глубь земли, нащупывали мертвое тело в неглубокой могиле, уверенно оплетали его, росли из него и цвели над ним.» [13, с. 96]

Любовь мужчины и женщины – это высшее проявление человеческой природы,

и наиболее достойна воспевания здесь именно прекрасная, чистая, трогательная первая любовь. В финале повести «Пастух и пастушка» Астафьев через описание природы раскрывает мысль о том, что человек неразрывно связан с ней, что эмоциональный мир человека и мир природы взаимопроницаемы. Трава здесь символизирует могучую внутреннюю силу человека, она сопровождает его, прошедшего через многие жизненные бури, находя с ним духовный отклик.

Пейзаж проник человеческим чувством, природа сопереживает горе человека: «Но это там, дальше было все мертво, все остыло, а здесь шевелилась пугливая жизнь, скорбно шелестели немощные травы, похрустывал костлявый татарник, сыпалась сохлая земля, какая-то живность – полевка-мышка, что ли, суежилась в трещинах земли меж сохлых травок, отыскивая прокорм.» [13, с.102]

Здесь автор сливает воедино чувство и пейзаж: кажется, что трава и ветви способны ощутить скорбь героини, утешить её; в то же время этот пейзаж создает атмосферу щемящей тоски и печали.

В «Оде русскому огороду» автор пишет о глубоком единении человека с родной землей: «Спит моя родная земля, глубоко спит, натруженно дышит, и витают над нею беды и радости, любовь и ненависть – и все горит, все не гаснет моя серебряная паутинка, но свет ее отдаленней, слабей, утихают во мне звуки прошлого, блекнут краски, чтоб снова озариться, засиять, когда сделается мне невыносимо жить и захочется успокоения. Хоть какого-нибудь...» [12, с. 31]

В «Царь-рыбе» автор создает положительного героя Акима, который является представителем нового типа «природного человека». Для Акима природа – это книга добра. В своих поступках он руководствуется исключительно нравственными принципами, игнорируя соображения выгоды, принятые в обществе. Его мать – простая, добрая женщина, чей образ жизни естественен, словно сама природа; она следует велению своей натуры, лишена какой-либо фальши или притворства. В социальном микрокосме Боганиды человеческая социальность ослабевает, уступая место природному началу; общественные условности и ограничения отходят на второй план, уступая место коллективным представлениям первобытного общества и нравственным нормам, формирующимся в совместном труде: коллектив выше отдельной личности, а вклад в общее благо – долг каждого. Выросший в этой идеальной, почти «утопической» среде, Аким унаследовал от своих земляков доброту и готовность к самопожертвованию. Он добр, прост, исполнен сострадания, готов «снять с себя последнюю рубашку и отдать любому. Он отдаст рубашку, а с него и исподнее снимут, оставят голым». Такие люди бескорыстны и видят радость в помощи другим. Всю жизнь автор неустанно стремился к созданию в своем творчестве образа рая, где человек и природа существуют в гармонии. Описывая рыбацкий поселок Боганиду – эту утопическую обитель, где живет Аким, автор рисует идиллическую картину единения человека и природы. Создавая этот величественный положительный образ, он прославляет в лице своего героя воина, защитника природы, человека высоких нравственных устоев.

Изображая, как в общении с природой человек обретает верные жизненные ориентиры и постигает истинный смысл бытия, как происходит духовный диалог между миром человека и миром природы, автор показывает их глубинное единство, состояние гармонии человека и мироздания.

2.4 Травмы природы и их предупреждающий смысл

С развитием науки и техники и усилением способности человечества преобразовывать и покорять природу исконная гармония между человеком и природой

была нарушена, они постепенно вступили в полосу отчуждения и даже противостояния. Это глубоко ранило душу Астафьева, и в таких произведениях, как «Царь-рыба», он детально описывает многочисленные преступления человека против природы. Писатель убежден, что природа не так безропотна, как кажется; когда будет перейдена определенная грань и нарушено равновесие, тех, кто идет против природы, непременно постигнет суровое возмездие.

Он описывает загрязнение реки и гибель родных мест: «На пути к Бирюсе, за плотиной, в старом-старом, бездымном пароходке, киснущем в киселе плесневелых водорослей, я с трудом узнал старикашку «Спартак», приспособленного под брандвахту.» [14, с.148]

Особую боль вызывает истребление животных и лицемерие современного общества: «... да и пух лебединый ныне в большом ходу и цене – модницы приспособили его на зимние муфты и всякие другие наряды, что не мешает им, глядя на балетного умирающего лебедя, ронять под печальную музыку Сен-Санса слезы – ранит их искусство.» [14, с. 192]

Писатель обвиняет человеческую жадность и жестокость: «Вон впереди грохот открылся, торопливый, заполошный – так промысловик никогда не стреляет. Так разбойник стреляет, ворюга! Осень – бедствие боровой птице, особенно глухарю. От людей бедствие, от самых разумных существ, как их назвал радиотранзистор.» [14, с. 217] С помощью прямого, эмоционального высказывания он пытается достучаться до читателя, предупреждая его о серьезности нынешнего экологического кризиса.

В «Царь-рыбе» Игнатийч, пытавшийся убить царь-рыбу, едва не погибает сам, подвергаясь мести природы: «...он сумел передолжить не ее, а сперва эту вот, занимающуюся в душе покорность, согласие со смертью, которое и есть уже смерть, поворот ключа во врата на тот свет, где, как известно, замки для всех грешников излажены в одну сторону: «у райских врат стучаться бесполезно...»» [14, с. 263]

Автор рассматривает нанесенный природе урон с разных сторон. Описывая ужасающие картины истребления живых существ, оказавшихся на грани исчезновения, он выражает свой протест против жестокости человека и боль от уничтожения всего прекрасного. Одновременно автор раскрывает глубокую истину: если человек утратит нравственность и будет разрушать природу, его настигнет безжалостное возмездие природы, и в конечном счете расплата за содеянное падет на самого человека.

2.5 Очищение зла добром

Стремление к истине, добру и красоте было идеалом древнегреческих философов. Русские писатели в своем творчестве творчески развили и интерпретировали эту мысль. Они полагают, что из этой триады истина есть путь к достижению добра, красота – его высшее проявление, а добро является высшей целью.

«А-ах ты, гад, бандюга! Машиной об столб, юную, прекрасную девушку, в цвет входящую, бутончик маковый, яичко голубиное – всмятку. Девочка небось в миг последний отца родимого, дядю любимого пусть про себя кликнула. А они? Где были они? Чего делали?» [14, с.235]

В «Царь-рыбе» Игнатийч, оказавшись на волосок от гибели в схватке с царь-рыбой, многое передумал и вступил на путь покаяния. Он осознал порочность своих деяний, его добрая натура начала возвращаться к нему; пораженный ценно-

стью жизни, он начинает раскаиваться в совершенных ошибках и преступлениях.

«... и озаренно, в подробностях обрисовалось ему то, от чего он оборонялся всю почти жизнь и о чем вспомнил тут же, как только попался на самолов, но отжимал от себя наваждение, оборонялся нарочитой забывчивостью, однако дальше сопротивляться окончательному приговору не было сил.» [14, с.241]

Заставляя героя пережить прошлое, автор проводит его через духовное очищение и возрождение души. В конечном счете совершается очищение зла добром, достигается душевная гармония, и отношения человека с природой предстают в новом свете, требуя пересмотра и корректировки.

Астафьев тем самым утверждает: единственный путь восстановления гармонии с природой – это возвращение к добру, совести и ответственности. Очищение зла добром становится не только личным, но и цивилизационным выбором.

Заключение. Проведённое исследование позволило установить, что эколого-нравственные воззрения В.П. Астафьева формируют логически завершённую, целостную мировоззренческую систему. Научная новизна работы заключается в выявлении и системном обосновании пяти взаимосвязанных структурных уровней данной концепции: чувство родного дома как этическая основа миропонимания писателя; природа как нравственное зеркало человеческой души; неизбежное возмездие за агрессивное вмешательство в природу; идея духовного очищения через добро и покаяние как путь к восстановлению гармонии. В ходе анализа доказано, что Астафьев выходит за рамки традиционной экологической публицистики, предлагая оригинальную онтологическую модель, основанную на принципе круговой моральной ответственности человека и природы. Творчество писателя рассматривается не только как предупреждение об углубляющемся экологическом и духовном кризисе современной цивилизации, но и как ценный мировоззренческий ресурс для его осмысления и преодоления. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейших исследованиях эколого-нравственной проблематики в русской литературе XX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Микер Дж. Экология литературы / Дж. Микер. – Текст : непосредственный // Литература и экология : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1994. – С. 45–52.
2. Крубер У. Экологический подход к литературной критике / У. Крубер. – Текст : непосредственный // Вопросы экологической эстетики. – 1994. – № 1. – С. 12–19.
3. Мерфи П. Литература о природе : международный сборник материалов / П. Мерфи. – Текст : непосредственный. – М. : Прогресс, 1998. – 320 с.
4. Рюкерт, У. Литература и экология: опыт экокритики / У. Рюкерт. – Текст : непосредственный // Вопросы современного литературоведения : научный журнал. – 1978. – № 4. – С. 318–325.
5. Уайч, Ф. Преподавание литературы об окружающей среде: материалы, методы и литературные источники / Ф. Уайч. – Текст : непосредственный. – М. : Прогресс, 1985. – 240 с.
6. Крубер, У. Экокритика: романтическое воображение и экологическое сознание / У. Крубер. – Текст : непосредственный // Вестник литературной критики : научно-практический журнал. – 1994. – № 2. – С. 110–118.
7. Глотфелти, Ш. Экокритический хрестоматийный сборник / Ш. Глотфелти, Г. Фромм ; под ред. Ш. Глотфелти, Г. Фромма. – Текст : непосредственный. – М. : Наука, 1996. – 560 с.
8. Астафьев В. П. Последний поклон // Собрание сочинений в 7 томах. Том 4 / В. П. Астафьев. – Москва : Советская Россия, 1990. – С. 112–398.

9. Астафьев В. П. Васюткино озеро / В. П. Астафьев // Собрание сочинений в 7 томах. Том 1. – Москва : Советская Россия, 1990. – С. 46–79.
10. Астафьев В. П. Перевал / В. П. Астафьев // Собрание сочинений в 7 томах. Том 2. – Москва : Советская Россия, 1990. – С. 18–56.
11. Астафьев В. П. Цветение старого дуба / В. П. Астафьев // Собрание сочинений в 7 томах. Том 2. – Москва : Советская Россия, 1990. – С. 97–132.
12. Астафьев В. П. Ода русскому огороду / В. П. Астафьев // Собрание сочинений: в 15 томах. Красноярск: Книжное издательство, 2004. Т. 7. С. 12–31.
13. Астафьев В. П. Пастух и пастушка / В. П. Астафьев // Собрание сочинений: в 15 томах. Красноярск: Книжное издательство, 2004. Т. 6. С. 96–102.
14. Астафьев В. П. Царь-рыба / В. П. Астафьев // Собрание сочинений: в 15 томах. Красноярск: Книжное издательство, 2004. Т. 5. С. 148–263.

**A STUDY OF THE ECOLOGICAL AND MORAL VIEWS OF THE RUSSIAN
WRITER VIKTOR ASTAFYEV**

Zhang Yumeng

*Belarusian State University
Minsk, Belarus, 3193429427@qq.com*

The article examines the ecological and moral views of V.P. Astafiev in the context of modern ecocritical theory. The object is his work, the subject is the artistic embodiment of an ecological and moral concept, the purpose is to identify its structure and meaning. The material was "The King Fish", "Ode to the Russian garden"; the author analyzes the feeling of home, love of nature, harmony between man and nature, the consequences of the destruction of nature and spiritual purification through repentance. It is proved that nature acts as a moral mirror, and the writer's concept has a deep philosophical meaning.